

Жизнь и творчество Тимура Кибирова

Тимур Кибиров (настоящее имя Тимур Юрьевич Запоев) родился в Хмельницкой области, городе Шепетовка, Украинской ССР, СССР 15 февраля 1955 года в семье офицера и учительницы. Окончил историко-филологический факультет МОПИ.

Печатается как поэт с 1988 года:

журналы и альманахи «Время и мы», «Атмода», «Третья модернизация», «Театральная жизнь», «Континент», «Юность», «Литературная Осетия», «Синтаксис»; «Театр», «Родник», «Дарьял», «Митин журнал», «Дружба народов», «Новый мир», «Странник», «Русская виза», «Кавказ», «22», «Соло», «Знамя», «Огонек», «Арион».

**Т. Кибиров выпустил в свет более 20
стихотворных сборников:**

«Общие места» (1990 г.), «Календарь» (1991 г.), «Стихи о любви» (1993 г.), «Сантименты: Восемь книг» (1994 г.), «Когда был Ленин маленьким» (1995 г.), «Парафразис» (1997 г.), «Памяти Державина» (1998 г.), «Избранные послания» (1998 г.), «Интимная лирика» (1998 г.), «Нотации» (1999 г.), «Улица Островитянова» (2000 г.), «Юбилей лирического героя» (2000 г.), «Amor, exi!» (2000 г.), «Кто куда, а я – в Россию» (2001 г.), «Шалтай-болтай» (2002 г.), «Стихи» (2005 г.), «Кара-барас» (2006 г.), «Три поэмы» (2008 г.), «Стихи о любви» (2009 г.), «Греко- и римско-кафолические песенки и потешки. 1986-2009» (2009 г.) и другие

Награды

Т. Кибиров отмечен Пушкинской **премией** фонда А. Тепфера (1993), премиями журналов «Знамя» (1994 г.), «Арион» (1996 г.), «антибукеровской» премией «Незнакомка» (1997 г.), премией «Северная Пальмира» (1997 г.), стипендией фонда И. Бродского (2000 г.), премией «Станционный смотритель» (2005 г.), грантом М. Б. Ходорковского «Поэзия и свобода» (2006 г.), дипломом премии «Московский счет» (2007 г.), премией «Поэт» (2008 г.). Книга «Стихи» входила в шорт-лист XVIII Московской международной книжной выставки-ярмарки (2005 г.), книги «Кара-Барас» и «На полях «A Shropshire lad» – в шорт-лист Бунинской премии (2007 г.).

В течение недолгого времени Тимур Кибиров был главным редактором журнала «Пушкин» (1998 г.), затем работал в телекомпании НТВ, был обозревателем радиостанции «Культура» (2004-2006 гг.).

Его поэзию относят к **постмодернизму, соц-арту и концептуализму.**

Для Кибирова характерно **пересмешничество, пародия, самопародия, установка на скрытое и открытое цитирование как классической литературы, так и советских, идеологических или рекламных штампов.**

Тематика и поэтика стихов Т. Кибирова

К публике Тимур Кибиров пришел сложившимся поэтом, со своей собственной эстетической идеей (описанной в критике как **романтический, или новый, или пост- концептуализм, новая сентиментальность, новая искренность, пост-постмодернизм**). В ее основе – контаминация двух дискурсивных пластов: лирики и советского дискурса.

Помимо «формул официоза» он вобрал в себя языковую сферу частного бытия и быта –

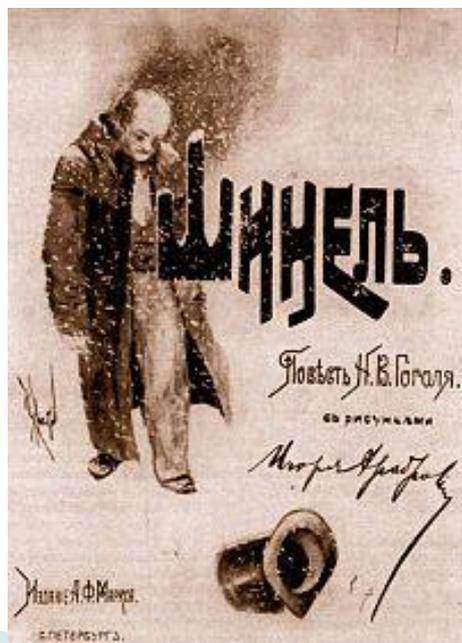
«азбуку» детства, отрочества, юности, «грамматику» казармы и студенческой общаги, слова комплиментов, приветные речи любви моментов, анекдоты и тексты «песен о главном», языковой опыт у пивного ларька, гамлетовские вопросы по-русски и, конечно, язык литературы (от школьного списка на лето до коллекции гурмана) – то ценностное языковое поле, из которого бессознательно прорастает и в котором осознает себя личность.

Справедливо связывают стиль Кибирова с **традицией «народной песни»** – от городского (блатного) романса и его бардовского воплощения до эстрадно-фольклорного жанра типа «Катюши».

Песня для Т. Кибирова – арсенал цитат, а во многом – «форма» его собственного голоса.

От лирики Кибиров взял сильную позицию **высказывания от первого лица**, обеспечивающую искренность и исповедальность. Более того, эту интимность он усилил, реанимировав жанр дружеского послания. В стихах Кибирова вещает не Пророк: скорее, **Акакий Акакиевич Башмачкин.**

Мир нуждается в спасении, а защита мира производится через защиту обыденного, простых событий, простой немудреной жизни. Таким образом, лирический герой Т. Кибирова видит в своем статусе **«маленького человека»** единственно верную позицию, так как именно **«маленький человек»**, его **«маленькая» жизнь в ее обыденности и повседневности** – это и есть главный космический столп.

**Далеко ль до беды?" - "Недалече!
Так вот прямо, милоч, и ступай.
Ну бывай! До свиданья, до встречи!
А потом уж ни в жизнь не бывай!"**

**И рассыпался вьюгою в очи,
и пропал хитрован-мужичок.
Время к ночи. Дорога короче.
Волчьим взглядом блеснул огонек.**

**Еду, еду один в чистом поле.
Нет, не воин, а беглый холоп.
Ну куда уж мне! Вольному воля,
сон покойный, пуховый сугроб.**

**Но бессонные зенки таращу
в эту мутную, снежную тьму,
зверь-шатун, шаромыга пропащий
и дразнящий тюрьму да суму.**

**Изгаляются страх и отвага
над моей небольшою душой...
Так сижу я над белой бумагой
черной ночью на кухне чужой.**

Характерный для Т. Кибирова герой говорит из массы и зачастую от имени массы. При этом он акцентированно **автобиографичен**. Таков герой, например, «Вступления в книгу «Сквозь прощальные слезы», «Игорю Померанцеву. Летние размышления о судьбах изящной словесности», «Солнцедара», «Двадцати сонетов к Саше Запоевой», «Возвращения из Шилькова в Коньково» и многих других кибировских текстов.

Чайник кипит. Телик гудит.

Так незаметно и жизнь пролетит.

Жизнь пролетит, и приблизится то,
что атеист называет Ничто,

что Баратынский не хочет назвать
дочерью тьмы, ибо кто ж тогда мать?

Выкипит чайник. Окислится медь.

Дымом взовьется бетонная твердь.

Дымом развеются стол и кровать,
эти обои и эта тетрадь.

Так что покуда чаевничай, друг.

Время подумать, да все недосуг.

Время подумать уже о душе,
а о другом поздновато уже...

В творчестве Кибирова совпадение лирического героя и биографического автора по некоторым параметрам почти абсолютно. Недаром в его стихах встречаются такие, например, строки:

*И стало трудно понимать
усталому уму.*

*Уснул лирический герой,
и снится сон ему.*

До процитированного четверостишия в «Истории села Перхурова» помещено описание явно хорошо знакомой самому поэту дачной действительности вне всякой тематической иерархии:

*Июльский полдень золотой
жужжал в сто тысяч жал.*

*Не одолев и полпути
взопрел я и устал.*

<...>

С небес нещадно шпарил зной.

Вострянск навозом пах.

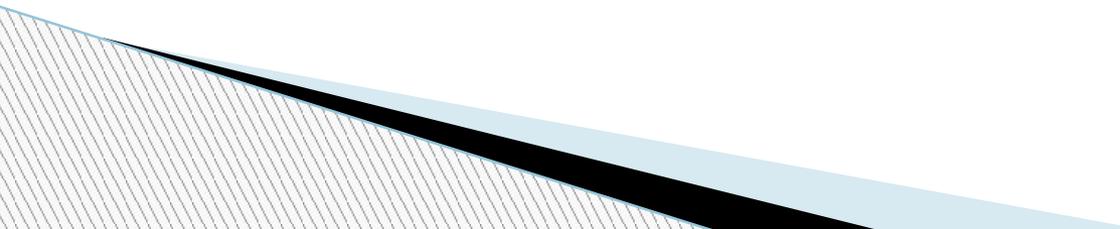
*Промчался мимо самосвал,
взметнув дорожный прах.*

Т. Кибиров подробнейшим образом описывает **самый повседневный быт**, те реалии эпохи, которые для его героя становятся жизнеобразующими элементами. Однако я лирического героя Кибирова, перерастая в *мы*, несколько видоизменяет этот процесс, видоизменяя, соответственно, и конечный результат.

Например, во «Вступление в книгу «Сквозь прощальные слезы» читаем:

*Пахнет дело мое керосином,
Керосинкой, сторонкой родной.
Пахнет «Шипром», как бритый мужчина,
И, как женщина, – «Красной Москвой»*

*(Той, на крышечке с кисточкой), мылом,
Банным мылом и банным листом,
Общепитской подливой, гарниром,
Пахнет булочной там, за углом.*

Он как бы одновременно и изнутри, и со стороны наблюдает за ее изменениями, о чем-то ностальгирует, над чем-то иронизирует (чаще всего над самим собой), делает выводы, ведя мерный монолог, иногда вступая в вымышленный диалог или каким-то конкретным адресатом, или с абстрактным читателем:

*И в этой-то теме – и личной, и мелкой! –
кручусь я опять и опять!
Кручусь поэтической Белкой и Стрелкой,
покуда сограждане спят.*

*Кручусь Терешковой, «Союз-Аполлоном»
над круглой советской землей,
с последним на «Русскую водку» талоном
кружусь над забытой страной!*

*«Чому я ни сокил?» – поют в Шепетовке,
плывет «Сулико» над Курой,
и пляшут чеченцы на пальчиках ловко,
и слезы в глазах Родниной!*

И далее:

*Здравши штаны, выбираю я «Пепси»,
но в сердце – «Дюшес» и «Ситро»,
пивнуха у фабрики имени Лепсе,
«Агдам» под конфетку «Цитрон»!*

*Люблю ли я это? Не знаю.
Конечно.*

*Конечно же нет! Но опять
лиризм КВН-овский и КГБ-
шный*

туманит слезою мой взгляд!

<...>

*Чому ж я ни сокил? Тому ж я
не сокол,*

*что каркаю ночь напролет,
что плачу и прячусь от бури
высокой...*

А впрочем, и это пройдет.

*(«Меж тем отцвели
хризантемы...»)*

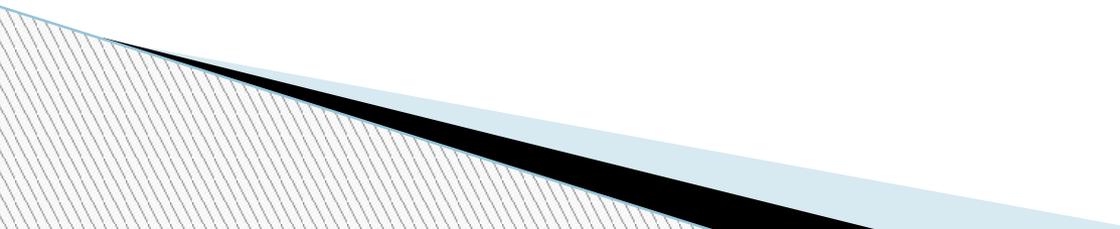
Оставаясь «маленьким», герой Т. Кибирова часто вещает с трибуны пушкинско-евтушенковского Пророка. Контрастное сочетание разных дискурсивных пластов в кибировских текстах обеспечила **ирония.**

Поэзия Т. Кибирова, близкого к постмодернистской эстетике, с точки зрения аккумуляции подтекстов – **явление выдающееся** даже для постмодернизма.

В его стихах самым поразительным и чаще всего неожиданным образом перемешаны реалии (или псевдореалии) различных – и по времени, и по месту существования – **культур**:

образы, темы и мотивы из разных мифологических систем, имена деятелей искусства, литературных героев, имитация различных литературных манер и стилей,

парафразы на строки известных стихов, предпосланные эпиграфы, намеки на известные события из жизни тех или иных деятелей культуры и т.д.

Наиболее часто Т. Кибиров использует гибридно-цитатный «метод», вновь и вновь **пародируя** известные строки и образы классиков – от Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Некрасова до Брюсова, Маяковского, Мандельштама и др.

Например:

*В полночный час такси ловя
я вышел на Тверскую.*

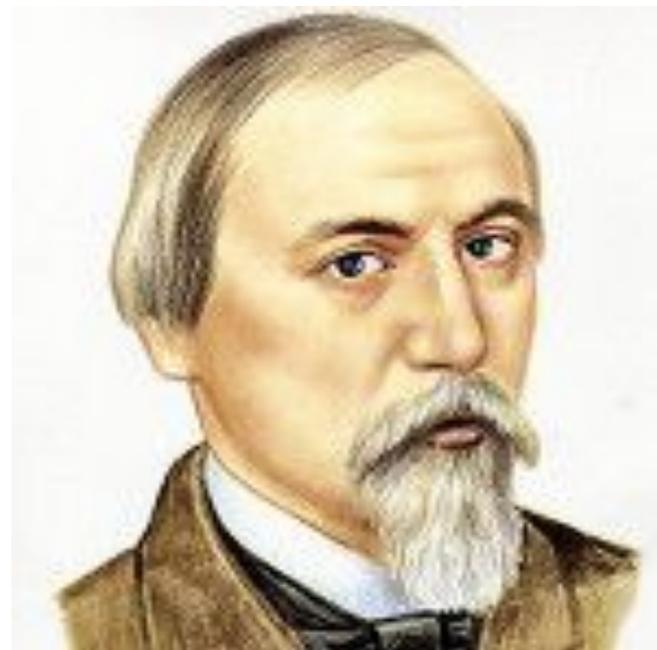
*Там проститутку встретил я
не очень молодую.*

Большущий вырез на груди.

Малюсенькая юбка.

И Музе я сказал: «Гляди!

Будь умницей, голубка!»

Н.А.Некрасов

Часто, например, можно наблюдать в стихотворениях Т. Кибирова переработку пушкинских тем и сюжетов. Это, конечно же, переработка постмодернистского типа, то есть, в первую очередь, ироническая. Пример:

«Все мое», – сказала скука.

«Все мое», – ответил страх.

«Все возьму», – сказала скука.

«Нет, не все», – ответил страх.

Эта переделка пушкинского разговора золота и булата.

Золото и булат. А.С.Пушкин

«Всё мое»,— сказала злато;

«Всё мое»,— сказал булат.

«Всё куплю»,— сказала злато;

«Всё возьму»,— сказал булат.

Но в конце первого же четверостишья меняется тональность стихотворения Т.Кибирова.

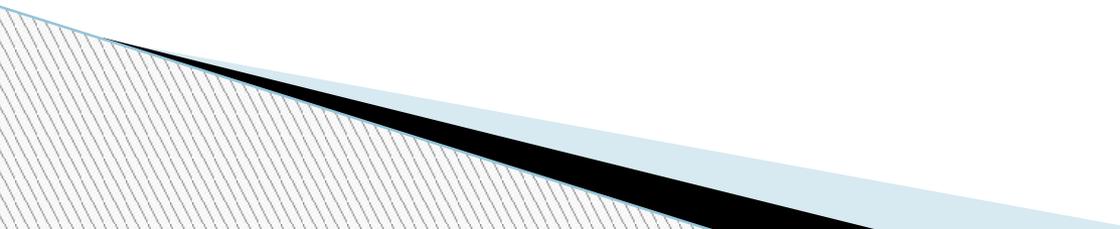
Дальнейший диалог скуки и страха приводит их к консенсусу и признанию того, что мир вокруг – ничто, а поэтому и спорить не о чем:

*Ах, какое ничего –
Нет пощады от него.*

*Ну а коли нет пощады –
Так и рыпаться не надо.*

Эта переделка Пушкина похожа на констатацию факта рокового изменения действительности, в результате которого не только золото и булат остаются в нынешнем мире не у дел, но даже скука и страх лишаются своей жизненной платформы и основания в мире бессмысленности.

В ряде кибировских стихотворений даются аллюзии на пушкинского **«Пророка» и некоторые другие стихи Пушкина, в центре внимания которых стоят также темы поэта, поэзии, творчества.** По большей части Тимур Кибиров это делает с применением той же горькой иронии, при этом понятие «творчество» соотносится у него с понятием «товар», миссия поэта низводится до сомнительного статуса обслуживающего общество потребителей полубалаганного действия.

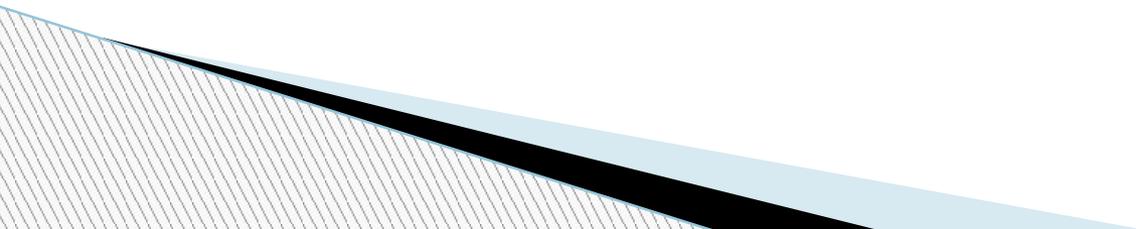

Пророки, с точки зрения лирического героя Кибирова, в современном мире никем не будут услышаны, их даже не станут изгонять, как у Лермонтова в одноименном стихотворении, они просто не состоятся за обескураживающей ненужностью. Поэтому рождается следующее антиподное «Пророку» Пушкина стихотворение, содержащее в то же время аллюзию на стихотворение В. Брюсова о творце и высокой сути творчества:

*Юноша бледный, в печать выходящий.
Дать я хочу тебе два-три совета.
Первое дело – живи настоящим,
ты не пророк, заруби себе это.*

*И поклоняться Искусству не надо.
Это уж вовсе последнее дело!
Экзюпери и Батая с де Садом,
перечитав, можешь выбросить смело.*

*Нет денег ни хрена! Товар, производимый
в восторгах сладостных, в тоске неизъяснимой,
рифмованных словес заветные столбцы
все падают в цене, и книгопродавцы
с поэтом разговор уже не затевают («Игорю
Померанцеву. Летние размышления о судьбах
изящной словесности»);*

Смеховой эффект у Кибирова может достигаться за **счет иронической стилизации** либо аллюзии внутри совершенно «чужого» для конкретных пушкинских произведений текстов. Особенно нагляден в этой связи пример стихотворения «История села Перхурова (компиляция)». В нем на различном стилистическом материале, с применением разновременных литературных этикетов (от фольклорного до самого современного) рассказывается **история Евгения Онегина** – асоциальной личности, склонной к нонконформистскому поведению.

Каждый использованный стилистический материал дает Кибирову «своего» Онегина и «свою» историю его жизни. В былинном стихе он – богатырь, в стилистической традиции романтизма – бунтарь, в онегинской строфе – Онегин. Когда же текст «переливается» в современность, Кибиров избирает **стиль блатной дворовой песни, почти шансон.**

*В Питере жил парень-паренек – эх, паренек! –
Симпатичный паренек фартовый,
Крупную валюту зашибал он – и водил
Девушек по кабакам портовым!*

*Женщин как перчатки он менял – всегда менял! –
Кайфовал без горя и печали.*

*И шампанским в потолок стрелял – эх, стрелял! –
В ресторанах Женьку узнавали!*

Далее появляются «Вован молодой», Оля и Танюша,
а дело заканчивается перестрелкой друзей. Так
«Евгений Онегин» переводится на «народный» язык
современной популярной культуры – разумеется,
иронически по отношению **к культуре, а не к
Пушкину или его произведению.**

Активно и вполне осознанно, пользуясь наиболее ходовыми приемами игровой поэтики постмодернизма, предполагающей тотальное пародирование, ироническое высмеивание всех и вся, Т. Кибиров вместе с тем отнюдь не случайно в одном из завершающих книгу и обращенном к самому себе стихотворении «Постмодернистское» вдруг изменяет взятой на вооружение ернической манере и начинает изъясняться совсем по-другому, не шутовски, а всерьез:

*Всё сказано. Что уж тревожиться
и пыжиться всё говорить!
Цитаты плодятся и множатся.
Всё сказано - сколько ни ври.
Описано всё, нарисовано.
Но что же нам делать, когда
нечаянно, необоснованно
в воде колыхнулась звезда!
Ведь все колыханья, касания,
мерцанья Пресветлой слезы
опять назначают свидание
и просятя вновь на язык.*

Как бы вновь задумавшись о главном предмете Поэзии – о человеке и мире, о любви, красоте и вселенной, – он отказывается от облегченной игры ума и нарочитой стилизации, обращаясь к вечным тайнам природы и человеческого сердца, к правде чувства и высшей сути поэтического творчества.

Тимура Кибирова обоснованно называют
«классиком» отечественного постмодернизма.

Его тексты изобилуют примерами использования
данного специфического стиля письма.

Кроме того, в кибировской поэзии можно найти все
приметы постмодернистского мировосприятия:

 обращенность поэтической рефлексии на
внутренний мир,

 языковой плюрализм

 стремление к совмещению несовместимого,

контекстуализм,

 юнговские архетипы и другие.

Использованная литература

Лекция .Творчество Тимура Кибирова. Инфоурок <https://infourok.ru/>

Конев К. Сентиментальное самообразование:
Лирический герой Т. Кибирова (позавчера – сегодня – завтра) // <http://www.gif.ru/greyhorse/crytic/kibirovabout.html>

Курицын В. Соц-арт любителю-2 // Курицын В. Русский литературный постмодернизм. – М., 2001.

Курицын В. Три дебюта Тимура Кибирова в 1997 году // Литературное обозрение. 1998. – № 1. – С. 37-39.

Курицын В. Концептуализм и соц-арт: Тела и ностальгии // Курицын В. Русский литературный постмодернизм. – М.: ОГИ, 2000.

Немзер А. Читателям Тимура Кибирова // Кибиров Т. Стихи о любви. – М.: Время, 2009. – С. 5-10.

Толоконникова С.Ю. Пушкинский миф в современной русской поэзии // Вестник Крымских литературных чтений: Сборник научных статей и материалов. – Вып. 9, ч. 2. – Симферополь, 2013. – С. 177-184.